

рые координируют усилия индейцев в борьбе против национального угнетения и эксплуатации. Именно социальные судьбы различных племен, по мнению Ю. П. Аверкиевой, способствуют формированию паниндейской этнической общности и служат ее главным связующим моментом⁴.

В обеих книгах содержится много интересного фактического материала и теоретических заключений, касающихся самого понятия «религия пейотизма», социально-экономического положения североамериканских индейцев, характера этнического развития индейских племен. Д. Аберле, в частности, на основе анализа новейших данных, предложил заменить термин «культ пейотля», которым он пользовался ранее, термином «религия пейотизма», поскольку в настоящее время это религия со своим учением, этикой, ритуалом (эти составные части описаны подробно как в книге Д. Аберле, так и в книге П. Гербера). П. Гербер считает, что религией культ пейотля стал еще в конце XIX в. Ритуал с использованием кактуса, известный на территории Северной Америки в XVII—XVIII вв., П. Гербер называет «переходным» пейотизмом — от ритуала к религии, а феномен, открытый Дж. Муни в штате Оклахома (в данном случае речь идет о ритуале с использованием кактуса пейотля. — В. Е.), он классифицирует как «североамериканский пейотизм — одну из форм религии пейотизма» (2 — с. 26).

Обе книги снабжены внушительными списками литературы (у Д. Аберле более 300 названий, у П. Гербера более 400), индексами имен и предметными указателями, таблицами, картами, рисунками. Это помогает более глубоко проникнуть в сущность объекта исследования. Правда, порой авторы (в первую очередь это относится к П. Герберу) увлекаются детализированным анализом вопросов, имеющих лишь побочное отношение к исследуемому предмету, что несколько затрудняет восприятие основных положений их трудов.

Книги Д. Аберле и П. Гербера, с одной стороны, расширяют наши познания об индейцах Северной Америки, помогают всесторонне оценить современные социально-культурные процессы в их среде, прежде всего содержание индейского движения, а с другой — дают представление об уровне исследованности конкретной темы в зарубежной этнологической литературе. Вместе с тем они свидетельствуют об ограниченности буржуазной методологии анализа сложных явлений в жизни североамериканских индейцев, смещающей акценты из социальной сферы в сферу этики, психологии, культуры.

⁴ Национальные процессы в США. М.: Наука, 1973, с. 150, 157.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

1) Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1983. 232 с; 2) Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М.: Наука, 1983. 192 с.

В 60—80-е годы XX в. значительно возрос интерес советских этнографов к глубокому теоретическому осмыслению проблемы этноса, и исследования последних лет продвинули ее изучение далеко вперед. Все же многое еще предстоит сделать. В частности, слабым местом в нашей науке является недостаточная разработанность вопросов формирования этнического в культуре. С этой точки зрения огромную роль играет изучение процессов социализации детей. Охватывая широкий круг вопросов, эта проблема привлекает к себе внимание специалистов разного профиля (педагогов, психологов, социологов, философов и др.). Для этнографов, на наш взгляд, особый интерес представляет сравнительно-историческое изучение тех механизмов социализации, посредством которых происходит превращение ребенка в члена совершенно конкретного, этнически определенного коллектива. Ведь важность социализации личности определяется, в частности, тем, что в ходе ее происходит трансмиссия культуры во времени, т. е. осуществляется передача культурных ценностей от поколения к поколению и тем самым сохраняется культурная преемственность. При этом в каждом конкретном случае передается не культура вообще (не «абстрактная» культура), а именно этническая культура, в результате чего в процессе социализации происходит воспроизводство этноса как социокультурного единства.

Уже неоднократно писалось о необходимости междисциплинарного изучения мира детства, однако и монодисциплинарное исследование проблем детства может принести свои полезные результаты. Подтверждением этому стали два сборника, подготовленные сектором Зарубежной Азии Института этнографии АН СССР по единой программе и выпущенные под общим заглавием «Этнография детства». Ответственный редактор обоих сборников И. С. Кон, им же написаны историографический очерк, введение и заключение.

Первый сборник посвящен традиционным формам воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии, второй — воспитанию детей и подростков у народов Передней и Южной Азии.

Как известно, в Азии проживает около тысячи наций и народностей, каждая из которых обладает самобытным опытом традиционного воспитания и вполне заслуживает

внимания исследователей. Естественно, в таком случае сделать представительную выборку составителям сборников было непросто, к тому же вопросы традиционных способов социализации детей у народов Азии плохо разработаны, воспитательная практика малых народов не изучалась совершенно. Тем не менее в издании представлены все основные географические регионы, языковые семьи и конфессиональные общности Зарубежной Азии. Народы, чьи традиционные методы воспитания рассматриваются в сборниках, весьма различны по культуре и стоят на разных ступенях социально-экономического развития: тут и эпоха разложения первобытно-общинного строя, и феодализм, и разные стадии капиталистического развития и социализм. Заметим лишь, что в сборниках не отражены традиционные способы воспитания детей у охотников-собирателей, хотя в Зарубежной Азии они представлены достаточно широко (например, айны, семанги, аэты, пунаны, кадары, мбрабри и др.). Думается, описание традиционных систем воспитания у этих народов представило бы большой интерес.

Рамки исследования определены главным образом материалами, имеющимися в распоряжении авторов. В основу статей положены обобщенные литературные материалы, разбросанные в многочисленных и труднодоступных источниках, данные текущей статистики, периодики, прессы, неизвестных ранее полевых материалов и трудов, хранящихся в архиве Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР. Некоторые авторы использовали личные полевые материалы и наблюдения.

Достоинство рецензируемых сборников заключается в том, что при их подготовке авторы руководствовались единой этносоциологической программой социализации детей и подростков, составленной И. С. Коном. Само по себе ее появление¹ в свое время вызвало большой теоретический и практический интерес этнографов. Предложенная программа, действительно, послужила своего рода общим ориентиром в работе авторов сборников, придавала четкость и стройность изложению материала. Разумеется статьи реализуют предложенную программу в разной степени в зависимости от состояния источников, выбранных методов и специфики интересов авторов. И сам ее составитель справедливо предполагал, что «такая этносоциологическая программа представляется весьма широкой и неизбежно будет корректироваться в конкретном исследовании»². Естественно, «ни один из авторов не мог исчерпывающе ответить на все вопросы, предусмотренные планом исследования» (II, с. 186)³. Вместе с тем материалы данных сборников позволяют внести некоторые поправки в предложенную программу, в чем-то уточнить, дополнить ее.

Приведем несколько примеров. Так, сквозной темой почти всех статей стал возрастной символизм. В них широко представлены материалы по нормативным критериям физической и социальной зрелости, правовым нормам, обрядам перехода и т. п. При рассмотрении всех этих вопросов у исследователя невольно возникает потребность указать на отражение их в материальной и духовной культуре, что весьма характерно для традиционных обществ. Бедь при переходе человека из одной возрастной группы в другую меняются не только его место в социальной структуре, отношение к нему окружающих, но и характер одежды, украшений, прически. Интересные данные по этому вопросу приводят в своих статьях Ю. В. Ионова, Ю. Д. Михайлова, В. И. Мазурина, Е. И. Васильева и Дж. Хайдари, Р. Р. Рахимов, Г. С. Асатрян, С. А. Маретина. Вероятно есть смысл внести возрастной символизм особым разделом в блок вопросов «Представления о жизненном цикле и его этапах» (пункт «Символические границы возрастной периодизации»).

Думается, в этот же блок можно вставить и вопросы, связанные с погребальным обрядом для детей. Материалы, приведенные в статьях Р. Р. Рахимова, Ю. В. Ионовой, Ю. Д. Михайловой, М. Н. Серебряковой, свидетельствуют о большом значении, придаваемом в традиционных обществах обрядам детского погребения, которые отличались от погребального обряда для взрослых.

В рецензируемых сборниках встречается обширный материал и о других обычаях, не нашедших места в программе исследования: А. И. Мухлинов и Ю. Д. Михайлова рассказывают о гражданском и религиозном удочерении и усыновлении; А. К. Оглобин и В. Н. Мазурина — о временной, полной и безусловной адопции. Интересные данные о правовом статусе и положении приемных, законных и незаконнорожденных детей приведены в статье М. В. Станюкович; детей от полигамных браков, детей-слуг, детей-рабов — в статьях А. К. Оглобина, Н. Г. Краснодарской; сирот и тех детей, родители которых состоят в разводе, — Н. Г. Краснодарской. Г. С. Асатрян приводит данные об аталычестве у персов. В связи с этим возникает желание обозначить эти универсальные институты отдельными пунктами программы, например ввести пункт «Характер адопции детей» и, может быть, отдельным пунктом выделить правовой статус детей не только разного возраста и пола, но и разных социальных категорий.

В программе исследования в специальные блоки выделены две сферы воспитания: трудовое и половое, нашедшие подробное освещение в большинстве статей. Наряду с ними авторы приводят материалы по вопросам физического (М. Н. Серебрякова, Г. С. Асатрян, Р. Р. Рахимов, Н. Г. Краснодарская), а также нравственно-эстетического воспитания. Известно, что для отсталых обществ в силу феномена культурного синкретизма характерна нерасчлененность различных сфер духовной деятельности человека. Тем более достойны внимания попытки авторов отдельных статей разобраться в том,

¹ Кон И. С. Этнография детства (Проблемы методологии). — Сов. этнография, 1981, № 5.

² Там же, с. 12.

³ Здесь и далее цифры I и II перед указанными страницами рецензируемых сборников означают их по порядку: первый сборник, второй.

как в процессе социализации наряду с другим жизненным опытом детям передаются традиционные эстетические ценности и прививаются художественные вкусы, проявляющиеся в прикладном искусстве, музыке, фольклоре.

Фольклор всегда был мощным средством социализации. Достаточно вспомнить, как отзывались о воспитательной роли русских народных сказок А. С., Пушкин и А. М. Горький. Эту же идею подтверждают и авторы рецензируемых изданий: М. Н. Серебрякова, Г. С. Асатрян, Р. Р. Рахимов, М. В. Станюкович, В. Н. Мазурина, Н. Г. Краснодарская и др. Конечно же, фольклор как средство воспитания требует междисциплинарного исследования. Тем не менее включение этой темы в программу исследования могло бы дать весьма важные результаты, как, например, это произошло с играми. Детские игры широко представлены в исследовании: почти все авторы приводят материалы, подтверждающие, что игры наряду с игрушками всегда были первым средством воспитания, формирования определенных ценностных ориентаций, навыков социального поведения. В современной науке уже сформировался взгляд на ребенка как на сравнительно самостоятельного и активного социального индивида, представляющего не только объект воспитательных воздействий со стороны взрослого, но и субъект познания и общения, носителя и творца собственной культуры. К проявлениям этой субкультуры И. С. Кон относит детский фольклор, игру и общение (I, с. 44). Однако из всех этих аспектов в программу внесены только игры.

Попутно хотелось бы заметить, что процесс воспитания детей не является односторонним, так как и сами взрослые, в нем участвующие, испытывают его обратное воздействие. В этом смысле правомерно говорить о взаимном обогащении двух субкультур — взрослой и детской.

Почти во всех статьях детально описываются карпогонические обряды, представляющие в целом большой научный интерес и для изучаемой проблематики. Но, вероятно, для большей четкости эти обряды, как и обрядность, связанную с самыми ранними периодами жизни ребенка, было бы правильно выделить в специальный блок, называемый условно «периодом протосоциализации».

Наряду с этим на страницах сборников, на наш взгляд, неоправданно подробно описана свадебная обрядность изучаемых народов. Конечно, свадьба — один из важнейших институтов социализации, но не детей и подростков.

Большое внимание на страницах изданий отводится такому институту социализации, как семья. И это не случайно. Общеизвестно, что «одной из основных ячеек функционирования традиционно-бытовой культуры и ее межпоколенной трансмиссии является семья»⁴. И. Г. Косиков справедливо замечает, что «именно в семье, являющейся микрочастью этнических процессов, младшее поколение воспринимает от старшего родной язык, нормы поведения, обычаи» (I, с. 138). И другие исследователи делают вывод о том, что семья является одним из основных социализирующих институтов.

Вместе с тем в традиционных обществах среда социализации не ограничивается только семьей. В сборниках приводятся разнообразные материалы и о других институтах социализации, характерных для описываемых этносов: своеобразных формах возрастных классов и мужских и женских домов — «агаманги» у ифугао, «ариджу» у ао нага и «нокпанте» у гаро, пережиточных формах мужского дома «дала» у афганцев, мужских, а иногда и женских объединениях молодых людей «вакамоногуми», а также «ночных домах для юношей и девушек» в Японии периода Токугава, своеобразных клубах молодежи у гурунгов Непала и т. д. Большое внимание почти все авторы сборников уделяют проблеме школы и ее прообразов.

При анализе всех этих материалов возникает интереснейший вопрос о соотношении семейных и внесемейных институтов социализации детей. В заключении, завершающем второй сборник, И. С. Кон выделил три главных этапа в развитии институтов социализации: «В обществах первичной формации социализация детей осуществляется совместными усилиями всей общины... древнейшие институты социализации, например возрастные группы, полифункциональны». На следующем этапе развития важнейшим институтом социализации становится большая семья, но наряду с ней сохраняются и трансформируются традиционные формы общинной социализации (возрастные группы, тайные общества и т. п.), и на их основе, а иногда и в противовес им возникают новые общественные институты: школы, особые формы ученичества и т. п. Эти новые институты дополняют семейные воздействия, не подрывая их решающего значения. В дальнейшем «социализация становится общественным, общенациональным делом, требующим систематического государственного планирования, управления, координации усилий отдельных институтов (семья, школа, общество сверстников, средства массовой коммуникации и т. д.)» (II, с. 187—188).

В последнее время в ряде работ проводится мысль о том, что семья как фактор социализации в высокоразвитых обществах все более теряет свое значение. Конечно, роль современной семьи в социализации детей не следует преувеличивать, но вместе с тем, как представляется (и это наглядно доказывают материалы рецензируемых сборников), речь должна здесь идти прежде всего о смещении акцентов в соотношении разных институтов социализации: с усложнением воспитательного процесса их роль становится весьма многообразной, а оказываемое ими воздействие — многозначным. При этом в разных сферах их влияние тесно переплетается и взаимно коррелируется.

В результате анализа всех вышеизложенных проблем выявлена четкая зависимость характера социализации от социально-экономического уровня развития общества.

⁴ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981, с. 361.

В архаических обществах социализация была закреплена жесткими нормами, ограничивалась строгими временными и пространственными рамками и обладала четко запрограммированным внутренним содержанием, т. е. набором тех навыков и ценностей, которые должны были усваиваться индивидом.

Социализация в традиционных крестьянских обществах имела немало общего с архаическими: следование заветам предков, копирование и воспроизводство прошлого опыта, существование единого набора предписаний, распространявшихся на поведение, мысли и чувства, в результате чего люди привыкали к определенной пище, одежде, церемониям, разделяли те же взгляды, воспитывали детей так же, как и их родители.

В более развитых обществах общие сроки социализации увеличивались, цикл жизни детализировался, росло число возрастных категорий, воспитательный процесс становился более многообразным. По мере урбанизации и позднее — в условиях индустриализации и научно-технической революции — происходили дальнейшая дифференциация и специализация институтов социализации, расширялись ее временные и пространственные рамки, стирались четкие границы ее этапов, увеличивалась, усложнялась та информация, которую индивид должен был усвоить в ходе формирования своей личности. В этой ситуации уже не могла задаваться строгая регламентация поведения человека на все случаи жизни, задавались лишь общие, социально принятые в рамках данной общности или класса рамки-нормы, где индивид обладал определенной свободой выбора, набором моделей допустимого поведения для какой-то конкретной ситуации.

Авторы сборников, ограниченные объемом, не имели возможности глубоко проанализировать зависимость характера социализации от социально-экономического уровня развития конкретного общества, но уже то, что они обратили внимание на эту проблему, — их несомненная заслуга.

Во введении к первому сборнику И. С. Кон оговаривает, что в издании речь идет не о мире детства и социализации детей вообще, а лишь о традиционных институтах и методах социализации (I, с. 4). Разумеется, «этнографическое изучение современности концентрируется в основном на традиционно-бытовой культуре»⁵, но ограничиваться только ею, представить ее в «чистом» виде невозможно. Не случайно И. С. Кон ввел в свою программу анализ процесса проникновения инноваций в традиционную сферу воспитания детей, и отдельные авторы приводят интересные данные по этой проблеме. Укажем, в частности, на статью И. Г. Косикова, посвященную воздействию на систему воспитания сложных социально-экономических процессов, характерных для Кампучии после достижения ею независимости в 1953 г. «Особенно наглядно, — пишет автор, — это проявилось в крупных городах с этнически смешанным населением» (I, с. 160)⁶. О том, как традиционная модель воспитания сохраняется и трансформируется в современных условиях, говорится в статьях Ю. Д. Михайловой, Л. Л. Викторовой, Р. Р. Родионова.

С сожалением приходится заметить, что рецензируемое издание страдает характерной для работ этой области науки нечеткостью в использовании понятийного аппарата. Известно, что изучение процессов социализации сопряжено с определенными теоретико-методологическими сложностями. Само понятие «социализация» и его соотношение с такими категориями, как «воспитание», «обучение», «образование», «формирование личности», вызывают споры. В последние 15—20 лет ведется интенсивная работа по дальнейшему обогащению понятийного аппарата науки, заметное внимание уделяется и категории «социализация». Отметим, что представители разных наук вкладывают в это понятие различный смысл. И. С. Кон пишет во введении к первому сборнику: «В данной работе социализация понимается в широком смысле как различные влияния среды в целом, которые приобщают индивида к участию в общественной жизни, учат его пониманию культуры, поведению в коллективах, утверждению себя и выполнению различных социальных ролей» (I, с. 3—4).

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что заявленный на титулах сборников подзаголовок «Традиционные формы воспитания детей и подростков» гораздо уже представленного в статьях материала. Авторы смело могли бы озаглавить свою работу «Традиционные формы социализации детей и подростков» или дать ей подзаголовок «Этнические аспекты социализации детей и подростков». Вряд ли вызовет возражение положение о том, что традиционная система воспитания является лишь одним из аспектов социализации, она относится к социализации как часть к целому.

Несомненную ценность для исследования проблем детства представляет историографический очерк, написанный И. С. Коном.

В целом всех авторов рецензируемых сборников можно поздравить с удачным опытом широкого, коллективного многоаспектного исследования проблем детства. Хотелось бы пожелать, чтобы издание послужило началом целой серии подобных исследований по другим регионам мира, и прежде всего СССР.

Г. А. Комарова

⁵ Бромлей Ю. В. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности. — Сов. этнография, 1977, № 1, с. 6.

⁶ Кстати говоря, в программе исследования не отражена специфика воспитания детей в условиях межэтнических контактов, и прежде всего в межнациональных семьях. А ведь эта проблема возникла не в наши дни. Межэтнические браки были характерны почти для всех периодов истории человечества (см., например, Ачылова Р. Из истории развития межнациональных браков. — В кн.: Проблемы сближения социалистических наций в период строительства коммунизма. Фрунзе, 1966). В связи с этим возникает и необходимость изучения языковых проблем: язык раннего детства, языковое поведение родителей и детей в семье и т. п.

В архаических обществах социализация была закреплена жесткими нормами, ограничивалась строгими временными и пространственными рамками и обладала четко запрограммированным внутренним содержанием, т. е. набором тех навыков и ценностей, которые должны были усваиваться индивидом.

Социализация в традиционных крестьянских обществах имела немало общего с архаическими: следование заветам предков, копирование и воспроизводство прошлого опыта, существование единого набора предписаний, распространявшихся на поведение, мысли и чувства, в результате чего люди привыкали к определенной пище, одежде, церемониям, разделяли те же взгляды, воспитывали детей так же, как и их родители.

В более развитых обществах общие сроки социализации увеличивались, цикл жизни детализировался, росло число возрастных категорий, воспитательный процесс становился более многообразным. По мере урбанизации и позднее — в условиях индустриализации и научно-технической революции — происходили дальнейшая дифференциация и специализация институтов социализации, расширялись ее временные и пространственные рамки, стирались четкие границы ее этапов, увеличивалась, усложнялась та информация, которую индивид должен был усвоить в ходе формирования своей личности. В этой ситуации уже не могла задаваться строгая регламентация поведения человека на все случаи жизни, задавались лишь общие, социально принятые в рамках данной общности или класса рамки-нормы, где индивид обладал определенной свободой выбора, набором моделей допустимого поведения для какой-то конкретной ситуации.

Авторы сборников, ограниченные объемом, не имели возможности глубоко проанализировать зависимость характера социализации от социально-экономического уровня развития конкретного общества, но уже то, что они обратили внимание на эту проблему, — их несомненная заслуга.

Во введении к первому сборнику И. С. Кон оговаривает, что в издании речь идет не о мире детства и социализации детей вообще, а лишь о традиционных институтах и методах социализации (I, с. 4). Разумеется, «этнографическое изучение современности концентрируется в основном на традиционно-бытовой культуре»⁵, но ограничиваться только ею, представить ее в «чистом» виде невозможно. Не случайно И. С. Кон ввел в свою программу анализ процесса проникновения инноваций в традиционную сферу воспитания детей, и отдельные авторы приводят интересные данные по этой проблеме. Укажем, в частности, на статью И. Г. Косикова, посвященную воздействию на систему воспитания сложных социально-экономических процессов, характерных для Кампучии после достижения ею независимости в 1953 г. «Особенно наглядно, — пишет автор, — это проявилось в крупных городах с этнически смешанным населением» (I, с. 160)⁶. О том, как традиционная модель воспитания сохраняется и трансформируется в современных условиях, говорится в статьях Ю. Д. Михайловой, Л. Л. Викторовой, Р. Р. Родионова.

С сожалением приходится заметить, что рецензируемое издание страдает характерной для работ этой области науки нечеткостью в использовании понятийного аппарата. Известно, что изучение процессов социализации сопряжено с определенными теоретико-методологическими сложностями. Само понятие «социализация» и его соотношение с такими категориями, как «воспитание», «обучение», «образование», «формирование личности», вызывают споры. В последние 15—20 лет ведется интенсивная работа по дальнейшему обогащению понятийного аппарата науки, заметное внимание уделяется и категории «социализация». Отметим, что представители разных наук вкладывают в это понятие различный смысл. И. С. Кон пишет во введении к первому сборнику: «В данной работе социализация понимается в широком смысле как различные влияния среды в целом, которые приобщают индивида к участию в общественной жизни, учат его пониманию культуры, поведению в коллективах, утверждению себя и выполнению различных социальных ролей» (I, с. 3—4).

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что заявленный на титулах сборников подзаголовок «Традиционные формы воспитания детей и подростков» гораздо уже представленного в статьях материала. Авторы смело могли бы озаглавить свою работу «Традиционные формы социализации детей и подростков» или дать ей подзаголовок «Этнические аспекты социализации детей и подростков». Вряд ли вызовет возражение положение о том, что традиционная система воспитания является лишь одним из аспектов социализации, она относится к социализации как часть к целому.

Несомненную ценность для исследования проблем детства представляет историографический очерк, написанный И. С. Коном.

В целом всех авторов рецензируемых сборников можно поздравить с удачным опытом широкого, коллективного многоаспектного исследования проблем детства. Хотелось бы пожелать, чтобы издание послужило началом целой серии подобных исследований по другим регионам мира, и прежде всего СССР.

Г. А. Комарова

⁵ Бромлей Ю. В. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности. — Сов. этнография, 1977, № 1, с. 6.

⁶ Кстати говоря, в программе исследования не отражена специфика воспитания детей в условиях межэтнических контактов, и прежде всего в межнациональных семьях. А ведь эта проблема возникла не в наши дни. Межэтнические браки были характерны почти для всех периодов истории человечества (см., например, Ачылова Р. Из истории развития межнациональных браков. — В кн.: Проблемы сближения социалистических наций в период строительства коммунизма. Фрунзе, 1966). В связи с этим возникает и необходимость изучения языковых проблем: язык раннего детства, языковое поведение родителей и детей в семье и т. п.

Рецензируемая работа (изданная в двух книгах, но объединенная общностью замысла) представляет собой первое в советской науке исследование традиционных методов воспитания детей и подростков у народов двух обширных и разнообразных по культуре регионов — Восточной и Юго-Восточной Азии, а также Передней и Южной Азии.

В последние два десятилетия развитие теории этноса привело к формированию представления (подобного выработанному ранее в лингвистике) о двух важнейших типах внутриэтнических связей — синхронных и диахронных¹. Если первые обеспечивают пространственную гомогенность этнической культуры и ее целостность, то вторые — временную преемственность, и потому они существеннее с точки зрения исторической стабильности этноса.

Этническая специфика народов доиндустриальной эпохи, как известно, вся вмещалась в рамки традиционно-бытовой культуры, так как натуральное хозяйство обуславливало синкретизм производства и быта; у современных наций этническая специфика концентрируется преимущественно в сфере быта и культурно-потребительской деятельности (поскольку производство выходит из-под господства этнической традиции). В обоих случаях оказывается, что основные этноспецифические явления существуют в области непосредственных человеческих контактов или в шаблонах бытового поведения, т. е. в тех культурных формах, которые передаются преимущественно устно-зрительным путем. Учитывая это, не будет преувеличением утверждение, что так называемая межпоколенная трансмиссия элементов этнической культуры, благодаря которой и сохраняется последняя, является главным механизмом, на который должно быть обращено внимание этнографов, задавшихся целью описать этнос и его особенности во всей их полноте. Действительно, в этнической культуре остается и сохраняется только то, что прошло через межпоколенный «барьер» и усвоено вступающими в жизнь поколениями.

Между тем, в отечественной этнографии лишь совсем недавно отчетливое осознание значимости изучения содержания и форм межпоколенной передачи этнической информации получило широкое распространение. Долгое время главное внимание уделялось критике работ зарубежных авторов (Р. Бенедикт, М. Мид, Дж. Горера и др.), как правило, испытавших влияние неопределенных концепций и искавших в традиционной педагогике объяснения особенностей «национального характера». Ставшая привычной критика методологических позиций этих исследователей привела к тому, что исследователи потеряли из вида возможность обращения к тому же предмету исследования — этнографии детства, исходя из других мировоззренческих представлений.

В формировании методологии такого исследования и определении его содержательных задач неоценимую для нашей науки роль сыграли труды И. С. Кона — ответственного редактора обоих сборников².

Блестящий и чрезвычайно информативный историографический очерк исследований по «этнографии детства», открывающий первый сборник, как и введение, написан И. С. Коном. Здесь сформулирована единая программа, которой предлагалось следовать авторам всех самостоятельных статей обоих книг. В результате мы имеем целенаправленное исследование, охватывающее большой круг народов, стоящих на разных ступенях социально-экономического развития и расселенных в нескольких историко-культурных провинциях Азии. Единство исследовательской программы в большой мере помогло специалистам по разным азиатским народам преодолеть фрагментарность, характерную для старых этнографов при упоминании о методах народной педагогики и отношении к детям — тема, вообще не занимавшая обычно центрального места в описании этноса.

Ориентация на единый тематический перечень сюжетов, разработанный ответственным редактором, позволяет увидеть ряд культурно-типологических параллелей между формами социализации детей и подростков у описываемых народов. Так, весьма интересны напрашивающиеся сравнения периодизации жизненного цикла и возрастной классификации, форм институционализации молодежных групп, функций молодежных домов в разных культурах и др. Повсеместно отмечаются характерные различия в социализации мальчиков и девочек, уделяется внимание не только усвоению конкретных знаний и практических навыков, но также нравственных качеств, отражающих разные этнические представления и проявляющихся в умении следовать тому или иному традиционному этикету.

¹ См.: Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — В кн.: Расы и народы. М.: Наука, 1972, в. 2; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 205—208 и др.; Алексеев В. П. О различии синхронного и диахронного сравнения этнографических явлений. — В кн.: Фольклор и историческая этнография. М.: Наука, 1983.

² Широко известны работы И. С. Кона, посвященные социологии личности и процессам ее социализации: Социология личности. М., 1967; Открытие «Я». М., 1978; Психология юношеского возраста. М., 1979; см. также: Кон И. С. Проблема детства в современной американской этнопсихологии (Об исследованиях Беатрисы и Джона Уайтинга). — Сов. этнография (далее — СЭ), 1977, № 5; его же. К проблеме возрастного символизма. — СЭ, 1981, № 6, и др.

Во всех исследованных обществах наряду с сохранением элементов традиционного воспитания и обучения получают развитие формы, связанные с общественным воспитанием и внедрением государственной системы образования. В ряде азиатских стран (Япония, Турция, Малайзия, Ливан и др.) существуют давние традиции организованного школьного обучения, главным образом, на конфессиональной основе и с преимущественным обучением мальчиков. Функции школьного воспитания в социализации детей той или иной страны, как показано авторами соответствующих статей (Ю. Д. Михайловой, М. Н. Серебряковой, А. К. Оглоблиным, М. А. Родионовым) теперь модернизируются. Усиление секулярных тенденций ведет к увеличению роли положительных знаний в школьном обучении, смягчению полоролевых стереотипов в воспитании.

В исследовании отражены также особенности воспитания детей у тех народов, где решительные социальные преобразования совсем недавно привели к возникновению государственной школьной системы, — в таких странах, как Кампучия, Афганистан (статьи И. Г. Косикова, Р. Р. Рахимова) в деревнях Ирака (статья Е. И. Васильевой и Дж. Хайдари). И, наконец, в рецензируемых работах представлены материалы, касающиеся форм социализации у народов, живущих до сих пор в условиях значительной изоляции (горные ифугао Филиппин — статья М. В. Станюкович, а также гаро и ао в Индии — статья С. А. Маретиной). Редкие школы христианских миссионеров, существовавшие у этих народов, только теперь переходят в ведение государства. С разной скоростью, но повсеместно традиционные институты социализации вытесняются системой школьного обучения. Хотя традиционные родительские ценности и сам процесс семейной социализации принадлежат к весьма интимной и стабильной сфере этнической культуры, однако и в эту сферу постепенно проникают инновации. Традиционная специфика вытесняется из повседневной воспитательной практики очень быстро, что придает особенную актуальность изучению этих уходящих форм у разных народов. Думается, что начало подобных исследований, положенное выходом книг «Этнография детства», привлечет внимание специалистов по разным регионам, а главное, окажет влияние на содержание полевых этнографических исследований в нашей стране.

Положительной чертой рецензируемой работы является четкое структурирование предмета исследования. Так, в поле зрения авторов статей в соответствии с программой попали не только методы воспитания как целенаправленной системы воздействия на личность ребенка, но и различные формы «стихийной» социализации, включающие воздействие более широкого этнокультурного контекста (обрядовая практика и т. д.). Во введении к работе дается однозначное определение того, что понимается под традиционными формами воспитания. Разработанность программы исследования делает ее пригодной для использования в экспедиционной работе многих исследователей, причем методы сбора полевого материала по этой теме, примененные в данном случае, вполне привычны для этнографов-полевиков.

В современной зарубежной этнопсихологии и культурной антропологии получают распространение различные сложные методические процедуры, количественные шкалы, специальным образом сконструированные опросники, позволяющие относительно строго «измерить» качественные черты отношения к детям или воспитательные установки, а затем сравнить индексы, полученные при изучении разных народов. Примером такой сложной методики является процедура изучения родительских ценностей ориентаций, разработанная В. Ламбертом с коллегами³, — о ней подробно говорится в историографическом обзоре И. С. Кона. Однако, как нам кажется, использование подобных методик не должно исключать или отменять прежние жанры описания народной педагогики. Фиксация простых наблюдений, заметки путешественника (пусть даже не очень систематические), подметившего необычные черты в обращении с детьми в иноэтнической для него среде, остаются ценным источником информации для исследователей. Описание непосредственных наблюдений или обобщение таких описаний, собранных из разрозненных источников (на таких обобщениях и построены статьи сборника), обязательно должны дополнять «строгие» методы количественного исследования; только сочетание обоих методических подходов может дать объективную и полную картину этнической специфики процесса социализации⁴.

Обе книги по этнографии детства изданы с большим количеством фотографий, репродукций иллюстраций старинных книг и рисунков, что еще больше повышает ценность публикации. Жаль только, что иллюстративный материал никак не атрибутирован — нет датировок и указаний на источник, с которого репродуцируется иконографический материал, и т. д.

Сборники по этнографии детства вышли в свет во время широкого обсуждения программы школьной реформы в нашей стране, когда внимание общественности было занято проблемами обучения и воспитания подрастающего поколения. В ряде откликов на проект реформы в центральной печати отмечалась необходимость учета местной этнической специфики при формировании программ обучения, а главное, при совершенствовании педагогических методов. Ведь система общественного обучения и воспитания обязательно находится в сложном взаимодействии с семейной социализацией и тради-

³ Lambert W. E., Hamer J. F., Frasure-Smith N. Child Rearing Values. A Cross-National Study. N. Y., 1979.

⁴ Так, например, применение рецензентом указанной методики изучения родительских ценностей в Абхазии дало результаты, неожиданные с точки зрения непосредственных наблюдений и обыденных суждений: о степени репрессивности воспитательных установок у абхазов, о строгой дифференциации воспитательных программ девочек и мальчиков и др.

ционной народной педагогикой, которые должны быть детально изучены для прогнозирования «суммарного» воспитательного эффекта. Продолжение работы по изучению традиционных форм социализации детей, начатое рецензируемыми сборниками, распространение аналогичных исследований на разные регионы нашей страны не только обогатит соответствующие разделы этнографической науки, но и поможет научной организации преподавательской и педагогической деятельности всех работников, на практике занятых воспитанием детей.

Г. В. Старовойтова

Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л.: Наука, 1982. 256 с.

Кеты — один из самых таинственных этносов в мире. Их язык, резко отличаясь от языков соседних с ними групп, обнаруживает сходство с языками далеких от них и разобщенных между собой народов — от басков до юкагиров. Кеты — осколок какого-то очень древнего этнического массива. Об их происхождении высказывались самые различные гипотезы, ни одна из которых пока не стала преобладающей. Вот почему такой интерес вызывает рецензируемый сборник, беспрецедентный по объему нового материала и широте охвата проблемы. Представители четырех смежных наук объединили здесь свои силы.

Первая часть сборника — антропологическая. В ней представлены материалы, собранные отрядом под руководством И. И. Гохмана за три полевых сезона (1960, 1965 и 1967 гг.). В труднейших условиях обследованы три группы кетов, туруханские селькупы и кетско-селькупские метисы (см. с. 18). По соматологической программе изучено 208 чел. (в том числе 141 кет), по серологической — вдвое больше. Таким образом, обследована довольно значительная часть маленького кетского этноса. Получены отпечатки пальцев и ладоней. Наконец, собрана коллекция из 22 кетских черепов (прежде имелось лишь 4). Чего это стоило, станет ясным, если учесть, что при раскопках кладбищ приходилось послойно оттаивать мерзлый грунт кипятком, а черепа требовали немедленной мацерации.

В главе 1 И. И. Гохман излагает результаты анализа соматологического и краниологического материалов. Сторонники «нордической теории» будут разочарованы: осветление пигментации у некоторых кетов — следствие русской примеси. Внешний облик «среднего» кета примерно такой же, как и по данным Г. Ф. Дебеца, исследовавшего лишь одну группу. Между тремя кетскими группами, изученными И. И. Гохманом, обнаружились различия. Наиболее «чистый» кетский тип локализуется в подкаменно-туруханской группе; туруханские и елогуйские кеты смешаны с селькупками. Никаких других сопоставлений на основании соматологических материалов И. И. Гохман не делает, справедливо считая, что сравнивать данные, полученные разными авторами, особенно по наиболее важным, описательным признакам, — занятие малоперспективное.

Иное дело краниология, где цифры гораздо более сопоставимы. Здесь можно не ограничиваться традиционным набором западно- и южно-сибирских параллелей, а привлечь материал по всей Азии, чего пока никто не делал. При этом обнаруживается, что кеты занимают промежуточное место между народами уральской расы и тихоокеанскими монголоидами — вьетами, тибетцами и китайцами, причем на графике, отражающем общий уровень сходства, кеты попадают в одну группу с тремя названными восточно-монголоидными популяциями. И. И. Гохман, впрочем, разъясняет, что речь может идти о связях не с данными конкретными этносами, а вообще с тихоокеанскими монголоидами. Но почему привлечены именно такие признаки как средний угол переноса, средний горизонтальный угол лица и фацио-фронтальный индекс? Ответ содержится в других работах И. И. Гохмана: эти признаки изучены им на огромном материале и прекрасно зарекомендовали себя для расовой систематики. На первом этапе такой ответ может нас удовлетворить. Но теперь, когда обнаружилось, что кеты отклоняются от уральской расы в сторону тихоокеанских монголоидов, целесообразно привлечь уже не вообще хорошие признаки, а те, которые эффективно разграничивают именно эти две расы. Особенно удачно отвечает этой задаче один из признаков, использованных И. И. Гохманом, — средний угол переноса. Другой (средний горизонтальный угол лица), вероятно, тоже годится, хотя данных маловато. А вот третий (фацио-фронтальный индекс) явно лишний. Вместо него возьмем признак, который, как показал Н. Н. Чебоксаров, играет первостепенную роль при разграничении континентальных (в частности, уральских) и тихоокеанских монголоидов, — высоту черепа. Выясняется, что кеты весьма низкоголовые и в этом отношении типичны «северяне». По сумме рангов разностей для трех признаков ближе всего к кетам оказываются чулымцы и ненцы — те самые группы, которые, по данным Г. А. Аксеновой, и в соматическом отношении сближаются с кетами. Далее идут кызыльцы, ханты и другие уральские народы. И лишь 11-е место занимает хуэй, 12-е — китайцы. В среднем 13 западно- и южносибирских групп достоверно ближе к кетам, чем 6 тихоокеанско-монголоидных. Правда, не учтены низкоголовые тибетцы — нет данных о профилировке лица. Если исключить этот признак и провести сравнение по оставшимся двум, то наиболее сходны с кетами южные тибетцы, затем ханты и ненцы. Но сочетание двух признаков малоспецифично — тут будет сходство и с эвенками. Получается, что краниологически кеты не такие уж